Марина Ветрова ✦ Милана Седина

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты снял меня с рейсов ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

Милана Седина

Измена мужа. Ты снял меня с рейсов ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

«Автор»
2026

Седина М.

Измена мужа. Ты снял меня с рейсов ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой! / М. Седина — «Автор», 2026

Муж встретил меня после рейса тремя новостями: он выбрал любовницу, уволил меня из авиакомпании и оставил без билета домой. Кристина уже хозяйничала в нашей квартире, а я стояла посреди чужого города с чемоданом и разбитым сердцем.Я думала, что потеряла всё. Пока на пороге гостиничного номера не появился человек со словами: «Шейх ждёт».Влиятельный восточный правитель предложил мне защиту, работу и новую жизнь. Но почему он смотрит так, словно знает меня много лет?Оказывается, двенадцать лет назад мы уже встречались. И кто-то сделал всё, чтобы разлучить нас.Теперь бывший муж хочет вернуть меня. Только я больше не принадлежу ему. Никогда.

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Порог 5
Глава 2. Султан 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марина Ветрова, Милана Седина Измена мужа. Ты снял меня с рейсов ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

Глава 1. Порог

Ключ-карта пискнула красным.

Я стояла в коридоре служебных апартаментов, в форме, с катящимся чемоданом, у которого за двадцать два часа полёта разболелось правое колесо, и думала только об одном: села батарейка. Бывает. Надо просто провести картой по пластику, подуть на считыватель — на старых замках это помогало.

За дверью бежала вода. Плескалась, шумная, хозяйская, и от этого звука у меня свело пальцы. В наших апартаментах не было ванны — только душ, и Дима всегда ворчал, что напор слабый. Этот напор не был слабым.

— Верочка? — голос Димы из-за двери, тёплый, домашний, с той самой интонацией, которой он встречал меня после коротких рейсов. — Ты чего раньше?

— Рейс сдвинули, мы ушли на сутки вперёд, — сказала я в замочную скважину, глупо, как в семнадцать лет. — Открой. У меня ноги отваливаются.

Щёлкнул замок. Дверь открылась, и первое, что я почувствовала, — запах. Чужой парфюм. Сладкий, ванильный, дешёвый, как конфеты из аэропорта. Этот запах висел в нашем коридоре, в нашем воздухе, забрался в нашу спальню и лежал там, раскинув руки.

Вторым я увидела коробку. Большую, картонную, с новыми полотенцами в клетку — такие продают в торговом центре через дорогу. Коробку держала Кристина. Вторая стюардесса нашей компании. Из тех, кому я три месяца назад, в Куала-Лумпуре, отдала свой жаропонижающий, когда у неё горело лицо и не было аптечки.

— Верочка, привет, — сказала Кристина. На ней была рубашка Димы. Та самая, серая, с закатанными рукавами, в которой он встречал Новый год. — А ты совсем не изменилась. Всё такая же… аккуратная.

За её плечом, в проёме кухни, стоял Дима. Босиком. В наших с ним носках. И держал чашку из моего комплекта — белую, с синим ободком, которую я привезла из Москвы и берегла четыре года.

— Нам надо поговорить, — сказал он.

Вот так. Ни «привет», ни «как рейс», ни «прости». Нам надо поговорить — это он говорил поставщикам, когда собирался не платить. Я стояла на пороге своей жизни и слышала собственный голос — ровный, чужой:

— Я с ночного рейса, Дима. Двадцать два часа. Поговорим утром.

— Не утром. Сейчас.

Он отступил вглубь кухни, к столу, и мне пришлось войти. Войти в собственные апартаменты, как входят в чужой офис. Кристина прошествовала мимо меня с коробкой — полотенца качнулись, — поставила её на нашу барную стойку и осталась там. Свидетель. Декорация. Или новый собственник.

— Три новости, — Дима сел, развёл руки по столу, как за штурвалом. У него были красивые руки, я двенадцать месяцев любовалась этими руками. — Первая. Твой контракт рас-

торгнут. Я совладелец «Сокола», подпись моя, кадровая бумага ушла сегодня в девять утра. Ты снята с бортов.

Я услышала, как щёлкнул где-то внутри меня предохранитель. Отец говорил: в турбулентности главное — вовремя пристегнуться. Я пристегнулась.

— Вторая. Твой обратный билет был открытый — я его закрыл. Ты лично проверяла схему, когда оформляла, так что спора не будет. Третья… — он повертел в пальцах ложку, мою ложку, — по зарплате вопрос. Два месяца висят в кассе. Идёт аудит. Когда закончится — тогда и…

— Дима.

— Что Дима? — он поднял глаза, и в них было удивление, настоящее, искреннее, как будто я была не права. Как будто я нарушала договор, а не он. — Я тебя поднял. Из пригородной электрички — в бизнес-авиацию. Я тебя одел, обул, на борта поставил, визу тебе оформил — туристическую, между прочим, за свои. И знаешь, что я понял за последний месяц? Ты из тех, кто забывает, кто их сделал.

— Из тех, — сказала я очень тихо, — кто забывает, кто их сделал. Это ты сейчас о себе говоришь? В моей кухне? В моих носках?

Кристина на стойке хихикнула. Хихикнула — и тут же сделала лицо, извиняющееся, детское.

— Верочка, ну не при тебе же чемоданы разбирать, — сказала она мягко, почти ласково. — Мы с Димой всё равно это обсудили. Взрослые же люди.

— Чемоданы, — повторила я.

— Уже в коридоре, — спокойно сказал Дима. — Я собрал, пока ты летала. Не смотри так. Четыре года тащить на себе человека — вот что некрасиво, Вер. А собрать чемодан — это просто логистика.

В коридоре действительно стоял мой чемодан. Рядом — моя дорожная сумка, моя куртка на вешалке-крючке, моя коробка с чаем. Всё, что он счёл моим. Остальное он счёл своим — включая, видимо, кухню, носки и белую чашку с синим ободком.

— Подпиши вот это, — он подвинул мне лист. — Что взаимных претензий не имеешь. Тогда я договорюсь, чтобы тебе вернули хотя бы часть кассы. По-хорошему.

Я взяла лист. Бумага была хорошая, плотная, офисная. Руки у меня почти не дрожали — спасибо отцу, спасибо старому аэродрому, где меня с пяти лет учили держать стакан, не расплескав.

— Зарплату вернёшь — подпишу, — сказала я и положила лист на стол. — Не вернёшь — пусть аудит проверяет, как ты кассу вёл. Мне, кстати, интересно.

Лицо у него дёрнулось. Один короткий спазм — вот здесь, под глазом, — и я поняла, что два месяца зарплаты я, скорее всего, не увижу никогда.

— Ты пожалеешь, что не по-хорошему, — сказал он без злости. Почти с нежностью. — Я тебя жалел четыре года, Вер. Больше не буду.

Я забрала сумку и куртку. Кристина из кухни крикнула вслед, что чайник поставила, — тому, другому, не мне. Дверь за мной закрылась тяжело, с всасывающим щелчком, как закрываются двери, за которыми больше нет твоей жизни.

На улице стояла песчаная буря.

Я видела бури из иллюминаторов — оранжевая стена, ползущая по пустыне, изнутри выглядит почти красиво. Изнутри улицы это не красиво. Небо стало ржавым, песок шипел по асфальту, как вода, и уже через двадцать шагов я чувствовала его на зубах. Такси проехали мимо меня три — песок бил в стёкла, как крупа, никто не остановился. На четвёртом, старом, с трещиной на лобовом, водитель покачал головой и показал на небо: не поедем.

Я достала телефон, потому что идти было некуда, а стоять под бурей — глупо даже для меня. В чате экипажей, в том самом, где я три года отмечалась между рейсами, висел скрин.

Статья из чартерного канала, анонимный автор, моя фотография из офиса, прошлогодняя, где я смеюсь с подносом в руках.

«Гусева Вероника сорвала борт: истерика в салоне, задержка четыре часа, пассажиры подают жалобы. Эта «профессионалка» больше не летает».

Ниже, в чате, тянулись ответы. Ленка, наша вторая пилотка: «Вер, это правда??» Мужики из Московского отряда: «ну наконец-то всё это всплыло». Я напечатала: «Это ложь, вот наряд на рейс, вот расписание сдвига…» — и стёрла. Напечатала снова. Стёрла. Стены у этой статьи были толще моих доказательств, а строил её человек, у которого была моя подпись под контрактом и мой дом под ключ.

Губу я прокусила — левую, изнутри, где тонко. Солью, кровью и песком я стояла посреди ржавого неба и повторяла про себя отцовское, стальное, выученное раньше алфавита:

Стюардесса не плачет на борту.

Я не была на борту. Но и плакать было нельзя — если начать, то из этой бури вообще не выйти.

Отель я вспомнила не сразу. Правильнее сказать — он вспомнил меня сам. За три года наша компания возила экипажи и топ-менеджеров холдинга аль-Джабара, и башня «Мина Джабара» на набережной была моей ближней точкой отсчёта: её шпиль я видела из салона на заходе, левее глиссады. Двадцать минут пешком против ветра. Чемодан ныл колесом, песок забивался в стыки, и к двери я дошла, как пловец до берега.

— Госпожа… Гусева? — консьерж Юсуф, седой, с идеальными манерами, вгляделся в меня сквозь стеклянные двери, за которыми буря месила пальмы. — Вы летали с нашими господами. Третий этаж, красный чай, вы заставляли господ спать по расписанию.

— Юсуф, у меня всё хорошо, — соврала я. — Просто рейс закрыли, билет… не совпал по датам. Мне нужна комната на одну ночь. У меня есть триста дирхамов и немного рублей.

Он посмотрел на мой чемодан, на моё лицо, на бурю за спиной. Потом сделал знак — и меня провели без брони, без депозита, без единого вопроса. Для гостиницы такого уровня это примерно как если бы самолёт взлетел без разрешения диспетчера. Мне дали угловую комнату, где буря обнимала оба окна сразу, принесли чайник, финики и горячие полотенца. Я помыла голову, промыла нос от песка, съела финики — все, до единого, как бортовой паёк, методично, — и легла, не раздвигая шторы.

Губа пульсировала. Телефон трезвел: Ленка писала, Дима писал — «подумаешь, билет, ты всегда была драматичная», — незнакомый номер писал. Я выключила звук.

Стюардесса не плачет на борту, сказала я потолку и уснула, как падают, — сразу и без сновидений.

Стук в дверь разбудил меня светло. Буря кончилась: за шторами лежало вымытое, розовое утро. На пороге стоял мужчина — высокий, в тёмном костюме, с проседью у виска, с лицом вежливым и непроницаемым, как двери сейфа.

— Госпожа Гусева, — сказал он. — Меня зовут Насим. Шейх ждёт.

Глава 2. Султан

Насим вёл меня не через лобби, а сбоку — отдельным лифтом, где кнопок было всего две и обе без цифр. Я успела накинуть пиджак, собрать волосы, накрасить губы — руки делали это сами, десять лет привычки, — но сердце колотилось, как у пассажирки первого полёта.

— Я должна знать, куда мы идём, — сказала я.

— Наверх, — ответил Насим. — Шейх ждёт. Это всё, что я имею право сказать до подъёма.

— А после подъёма?

— После подъёма, госпожа Гусева, — в его голосе на миллиметр шевельнулось что-то живое, — вы сами всё скажете.

Верхний этаж оказался не номером, а небом. Панорамное окно во всю стену, вымытая бурей даль, залив цвета молотого стекла, и человек у окна. Он стоял спиной, держал на блюдце чашку — держал как-то особенно, двумя пальцами, за ободок, будто чашка могла взлететь. Я знала человека, который держал чашку так. Двенадцать лет назад, в диспетчерской старого аэродрома, на тряпом табурете, с чаем из размоченной заварки.

Он обернулся.

— Опаздываешь, Чайка, — сказал Султан.

У меня отнялся голос. Передо мной стоял мужчина, а не курсант: белый, без единого лишнего шва, часы без цифр, взгляд — как разрешение на взлёт, которое он раздаёт, не поднимая бровей. Но плечи были те же. И то, как он стоял — чуть развернув носки, готовый в любую секунду шагнуть, — было тем же, аэродромным.

— Султан, — выговорила я. — Султан. Ну ты и султан.

Он улыбнулся уголком рта. Коротко, как вспышка аэронавигационного огня.

— Двенадцать лет, а шутка та же.

Я хотела ответить сразу, но слова застряли. На нём был безупречный белый костюм, а я всё равно видела парня с обветренными щеками, который грел ладони о жестяной чайник и уверял, что наш аэродромный чабрец лучше любого дворцового кофе. Тогда он произносил «у вас дома» осторожно, будто пробовал чужую дверь на прочность. Теперь передо мной стоял человек, которому открывались двери целой страны.

— Ты был курсант. — Слова всё-таки пошли, одно за другим. — Отец ставил тебе посадки в боковой. Ты замерзал и всё время просил чай. Я варила тебе с чабрецом, вон из того жестяного чайника, ты говорил, что лучше даже у вас, дома… Я думала, ты выдумал. Что у вас вообще…

Он не улыбнулся второй раз и не стал объяснять, почему не выдумал. Только отодвинул чашку на блюдце, освобождая место рядом.

— Не выдумал.

Я услышала в этом коротком ответе не только про чай. Он оставлял мне выбор — подойти к столу или остаться у окна. Я шагнула к столу, но сесть пока не смогла.

Он подвёл меня к столу. На столе, среди фарфора, который стоил как мой годовой контракт, стояло блюдце, и на блюдце лежала ложка. Старая, заляпанная временем, с витой ручкой, тёплой коричневой, с крапинками. Я узнала её так, как узнают собственный шрам, — раньше, чем поняла.

— Откуда у тебя… — села я.

— Давно моя, — сказал он ровно.

Я посмотрела на ложку. На него. На ложку. В моей голове вспыхнуло семнадцать лет, диспетчерская, чайник, и я, вечно пацанка при отце-командире, сую этому серьёзному южному

курсанту свою любимую ложку: «Держи. Султанская ложка. Будешь богачом». Он смеялся, обещал писать…

— Садись, — сказал он тихо. — Рассказывай. Всё. С порога.

И я рассказала. Про Кристину с коробкой. Про контракт, подпись, закрытый билет. Про два месяца в чужой кассе. Про туристическую визу, которая кончается через пять недель. Про статью в чате и про то, что у меня триста дирхамов и чемодан с больным колесом. Он слушал, как слушают донесение о катастрофе — не перебивая, не отвлекаясь, и лицо у него становилось всё тише. Тише — а не злее, но именно от этой тишины у меня по спине прошёл холод: мне вдруг стало по-настоящему жаль того, на кого направлена эта тишина.

Когда я закончила, он задал один вопрос:

— Название.

— «Сокол-Авиа». Он совладелец.

Он кивнул Насиму, тот вышел. Султан размешал кофе — той самой ложкой, с витой ручкой, медленно, по кругу, — и я увидела, как стиснуты его пальцы. Металл тихо, едва слышно, пискнул.

— Спи, — сказал он мне. — Утром всё будет решено.

— Решено? — я чуть не рассмеялась, на нервной нитке. — Слушай, я не прошу… У меня есть немного, я доработаю на подпусках, я…

— Твои рейсы закрыты.

— Что — мои рейсы?

— Все. Любые. Под любой фамилией, — сказал он так буднично, как говорят «завтра будет ветер». — Ты под моим крылом. Это не обсуждается.

Я открыла рот — и не нашла слов. Меня, которую за одну ночь лишили бортов, неба, дома и имени, — вот так, в лоб, взяли под защиту, не спросив. Хотела возразить — что-то гордое про то, что я сама, — но он уже стоял у окна спиной, и плечи его были как крыло над всей этой страной.

— Султан, — сказала я в спину. — Спасибо. Я отдам. Всё, до дирхама.

Он не обернулся.

— Это не долг, Чайка. Это возврат старого.

Утром в девять ноль-ноль ко мне пришёл юрист холдинга — Фарид, в очках, с папкой. Папка содержала три листа, и каждый лист был громом.

Первый: трудовой договор госпожи Гусевой Вероники Викторовны выкуплен у компании «Сокол-Авиа». Целый договор — как выкупают дом с участком.

Второй: долг по заработной плате за два месяца погашен холдингом в полном объёме. Деньги ушли на мой счёт за сорок минут до звонка Фарида. Я смотрела на банковское уведомление и не могла вспомнить, когда в последний раз дышала полной грудью.

Третий: в девять ноль-ноль этого утра холдинг аль-Джабара расторг все действующие договоры с компанией «Сокол-Авиа». Наземное обслуживание, гостиницы для экипажей, топливные соглашения, чартерные линии. Всё.

— Цена вопроса? — спросила я тихо.

— Это не ваша забота, — вежливо сказал Фарид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.